

государство берет на себя весь комплекс экономических проблем в условиях мирового кризиса.

Одним из аспектов идентичности является проблема национального языка. Его функции стали государственными. В результате возникла проблема сохранения полиэтнической языковой среды евразийских наций. Этот комплекс проблем фокусируется на национальной идентичности.

Региональные проблемы сконцентрированы на экономических задачах и геополитической безопасности национальных государств.

Мащитько С.М. Методологические и идеологические аспекты этнологии Л. Н. Гумилева

Теоретические взгляды Л. Гумилева представляют огромный вклад в историческую науку, изучение природы и динамики этносов. При этом приходится сталкиваться с диаметрально противоположными оценками его творчества. В этой работе мы попытаемся проанализировать причины этого конфликта интерпретаций. Таких причин, на мой взгляд, две: методологическое новаторство, а также имплицитная идеологическая составляющая учения Л. Гумилева.

Взгляды Л. Гумилева начали складываться в период становления постнеклассической парадигмы гуманитарного знания с ее междисциплинарностью и плюрализмом. Эта общая тенденция задает специфическую гумилевскую методологию. Она опирается на неравновесную термодинамику, учение о ноосфере. Гумилев работал в русле реализации общенаучного потенциала этих теорий. В этом сила и слабость взглядов оригинального и крупного ученого. Его вдохновляет идея упразднения жесткой демаркации естественных и гуманитарных наук путем установления взаимодействия «истории природы и истории людей». «...Дифференциация дисциплин была этапом, необходимым и неизбежным, который станет губительным, если затянется надолго», – пишет Гумилев, осмысляя этногенез. [1, с. 35] Последний рассматривается как частная составляющая общей динамики биосферы. Концепция пассионарности в этом смысле высвечивает прежде неизвестные связи истории, географии и биологии. Однако во многих случаях они отмечены эклектизмом, наукообразием и декларативностью, за что работы российского

ученого подвергались и подвергаются критике. В частности, Ю. Бромлей, один из самых активных и последовательных оппонентов Гумилева, выступал против биологизации понятия этноса. Некоторые непримиримо настроенные критики отказываются признавать научную ценность исторических и этнологических изысканий Гумилева, относя их к разряду *folk-history*. И действительно, как писатель Гумилев для многих является властителем дум, а термин «пассионарность» вышел за рамки только научного употребления.

Приходится отметить, что яркая новаторская концепция этногенеза содержит смешения физического и аксиологического планов рассуждений. Характерно, например, отождествление падения нравов в обществе и энтропии. С другой стороны, гумилевские противоречия в истолковании природы этноса также способны поставить в тупик. В «Этногенезе и биосфере земли» Гумилев пишет, что «этногенез – глубинный процесс в биосфере» [1, с. 153], а немного далее декларирует, что «феномен этноса – это и есть поведение особей, его составляющих». [1, с. 166] Чтобы не считать это противоречием, можно проинтерпретировать этот дуализм в том смысле, что стереотип поведения этноса является эпифеноменом глубинных процессов в биосфере. Однако тогда необходимо раскрывать связь биосферных и социокультурных процессов. Для этого Л. Гумилев вводит в свою модель этногенеза понятие *поля*, подразумевая некую квазиприродную колебательную основу уникальности этноса. Конечно, в рамках этнологии оно не выдерживает ни естественнонаучной, ни социокультурной экспертизы. Пользуясь терминологией самого Льва Гумилева, вполне можно назвать это понятие химерным (объединение без слияния). И это, на мой взгляд, плод слишком прямого применения терминологии и методов физики в гуманитарном знании. Упраздняя границы, видимо, следует все же оставлять буферные зоны. Та же прямая рецепция физикализма проявляется и в том, что в своей модели этногенеза Гумилев считает возможным разделить культуру и этнос, поскольку якобы последний может использовать плоды культуры чисто инструментально и по своему выбору. Однако культура есть преимущественно необъективируемый жизненный мир, и разделить этнос и культуру можно только в режиме сомнительной абстракции.

Полемизируя против доминирующей роли сознания в этногенезе, Гумилев пишет, что этногенез связан с совершением физической работы, «а для совершения работы нужна энергия, самая обычная, измеряемая килограммометрами или калориями. Считать же, что сознание, пусть даже этническое, может быть генератором энергии – это значит допускать реальность телекинеза, что уместно только в фантастике». [1, с. 195] Это уже является прямым смещением мотивации сознания и физической энергии. Таким образом, говоря о методологическом новаторстве Гумилева, приходится констатировать, что практикуемая им аппликация физикализма на область социо-культурного знания ведет к химеризмам, соединению несоединимого (отождествление энтропии и духовно-ценностной деградации, мотивации и физической энергии), с другой стороны возникает разделение неразделимого (этнос и культура). Инкорпорация этнологии в область естествознания обязательно предполагает использование математических и эмпирических методов, и ученый стремится к этому, но по общему признанию, его диаграммы и графики – это скорее имитация измерения пассионарности.

Гумилев на огромном историческом материале действительно выявляет устойчивую схему трансформации этносов от объединения людей на основе веры и идеалов до ассоциации эгоистов, однако вряд ли можно утверждать, что ему удалось дать удовлетворительное теоретическое объяснение этой трансформации. Из творчества ученого можно скорее сделать вывод, что объективирующее теоретизирование или только оно, здесь является заведомо бесплодным.

Второй важнейший аспект творчества Льва Гумилева заключается в его роли для формирования направления неоевразийства. Он сам не формулировал геополитических или идеологических выводов на основании своей концепции. Это сделали его последователи, основавшие “неоевразийство”.

В этом контексте важно, прежде всего, что Гумилев развивает географический детерминизм, т.к. исходит из идеи определяющего влияния ландшафта на культуру и политическую систему этноса.

По мнению Гумилева, великороссы представляют особый этнос, сложившийся на основе тюркско-славянского слияния. Этот сплав этносов мог образоваться как симбиоз, порожденный

специфическим сочетанием Леса и Степи. Гумилев очень позитивно оценивает вклад туранских народов в русскую государственность, разделяя характерную для евразийцев идею об охранительной для русской культуры роли монгольских завоеваний. Завоевания же эти в гумилевской трактовке предстают не как иго, а как симбиоз.

А. Дугин, лидер неоевразийства, оценивает наследие Гумилева как «передаточное звено от первой волны евразийства к неоевразийству».[2, с. 492] Сам себя Гумилев называл «последним евразийцем». Его обширное творчество является завершением определенного цикла в становлении евразийской мысли.

Исторические обобщения евразийских этнокультурных трансформаций, по Л. Гумилеву, позволяют заключить, что Евразия является альтернативным Западу источником важнейших цивилизационных процессов. Эта идея, подтвержденная на конкретно-историческом материале, дала новый импульс евразийскому вектору мышления, воплотившись в неоевразийстве. Значимость этого органичного комплекса философских, геополитических и геокультурных идей для современной России сложно переоценить. Это понятно также и для западных теоретиков, рассматривающих феномен неоевразийства как существенный элемент современной общественно-политической жизни России.

По мнению французской исследовательницы М. Ларюэль, современное евразийство составляет одну из основных постсоветских идеологий, которое «по настоящему разработано, теоретически обосновано и нацелено на реидентификацию России». Она выделяет три интеллектуальных течения неоевразийства (крайне правое - А. Дугина, историко-культурное - Э. Баграмова и этатистское - А. Панарина и Б. Ерасова). Ларюэль отмечает что «при всей своей внешней многоликости, евразийство обладает реальным единством мысли, концептуальным единством». [3] Главное в нем — неприятие европейского пути развития, акцент на тюркско-исламском элементе в истории и будущей судьбе России, а также представления об империи как единственно возможной для России форме государственности.

Помимо геополитических и геокультурных импликаций, этнология фундируется на принципиальном различии между этносами. По характеру своему причины этого различия и

несводимости, согласно Гумилеву, носят естественно-природный характер. Это, во-первых, различие «кормящего ландшафта», во-вторых, уже упоминавшееся понятие «поля» этноса, колебательной основы, обладающей частотной уникальностью. При условии резонанса частот возможно слияние этносов в суперэтнос, что однако не снимает тезиса о различии этносов. Оставив в стороне возможность верификации или хотя бы фальсификации этой гипотезы, отметим, что в геокультурном контексте важна именно интенция на неустранимую полиэтничность.

Данный аспект рассматриваемой этнологической концепции особенно важен для возрожденного евразийства и в то же самое время он является камнем преткновения для теоретиков глобализма, номадизма и мультикультурализма. Этнология Гумилева рассматривается ими в качестве враждебного проекта. И здесь она становится мишенью по двум причинам:

1. она якобы подпитывает ксенофобию, формирует «новый расизм» и даже посягает на «святое», позволяя себе критику еврейского этноса в частности связанную с хазарским каганатом (Русь и Хазария), что расценивается как антисемитизм;

2. возрождая евразийство, концепция Л. Гумилева возрождает надежду на восстановление Россией ведущей роли в мировой политике.

Что касается первого пункта, показательна позиция А. –П. Тагиефа, французского философа и политолога. Тагиефф прибегает к термину дифференциалистский расизм (*racisme différentialiste*). Ключевыми понятиями такого расизма являются несовместимость культур, порог толерантности, сохранение этнокультурного портрета, культурная экология, столкновение цивилизаций, архетипы, менталитет [4, с. 460] Если классический расизм отдавал приоритет расовой наследственности и иерархии рас, то дифференциализм полагает, что важно не неравенство, а несоизмеримость. «Отсюда следует, что род людской расколот на замкнутые в себе целостности: дифференциализм требует сохранять в неприкосновенности и чистоте общину как единицу. Если навязчивым страхом классического расизма является потеря ранга, ниспровержение вышестоящих, то дифференциализм одержим боязнью потери чистоты, стирания групповой идентичности». [5, с. 37]

Французский социолог и политолог Марлен Ларюэль считает возможным трактовать этнологию Л. Гумилева как источник и теоретическую базу расового дифференциализма на русской почве, Сближение с западными праворадикалами (А. Бенуа) она проводит, замечая общий для них «отказ от западной политической системы, основанной на представительной демократии и либерализме; примордиалистское понимание народов; отказ от смешения во имя сохранения уникальной специфики каждой национальной группы. [5, с. 42] Итогом исследования Ларюэль становится вывод о том, что Л. Гумилев «принадлежит к тому направлению, которое под прикрытием рассуждений, восхваляющих право на национальную отличительность, предлагает анализировать отношения между народами в русле ксенофобии и особенно миксофобии». [5, с. 42]

Очевидно, что гумилевские изыскания не оставляют равнодушными многих рьяных борцов с антисемитизмом, для которых борьба с расизмом вообще является лишь ступенью для выхода на орбиту главного противостояния. Заслуживает упоминания, что перу того же Тагиеффа принадлежит «разоблачение» под названием «Протоколы сионских мудрецов: фальшивка и ее использование». В этом контексте также следует отметить его усилия по выявлению антисемитизма под маской антисионизма. М. Ларюэль, в свою очередь, считает, что гумилевское «исследование Хазарского каганата VIII-IX вв. выявляет скрытый антисемитизм автора». [5, с. 41]

В связи с этим животрепещущим вопросом не остаются в стороне также и «газетные философы»: Виктор Ясманин, сотрудник Radio Free Europe/Radio Liberty в статье Red Religion: An Ideology of Neo-Messianic Russian Fundamentalism призывает «увидеть за культовой фигурой Льва Гумилева манифест мистической антисемитской паранойи... и тонкой ксенофобии». [6, с. 29] Остается только воздать должное лапидарности публициста, позволившей так ясно выразить главный критический посыл либеральной идеологии в сторону Л. Гумилева.

Таким образом, рассмотрев некоторые методологические, а также идеологические аспекты этнологии Л. Гумилева, как вызывающие наиболее неоднозначные оценки, мы можем заключить, что:

1) методология Л. Гумилева основывается на прямой рецепции естественнонаучной терминологии, однако, без должного подкрепления количественно-эмпирическими методами (статика без динамики). Результатом такого подхода зачастую становятся эклектизм (химеризм) и декларативность;

2) в плоскости идеологии этнология Л. Гумилева имеет огромное значение как один из теоретических источников неоевразийства. Пересмотр на базе географического детерминизма роли и места великорусского этноса во многих исторических процессах, новый взгляд на его взаимоотношения с туранцами, акцент на несмешиваемости этносов, сколь важны для неоевразийства, столь же раздражают идеологов глобализма, мультикультурализма и номадизма. Последние традиционно проводят параллели между концепцией Л. Гумилева и послевоенными праворадикальными направлениями на Западе, усматривают в этнологии ксенофобию и скрытый антисемитизм. При этом не стоит сбрасывать со счетов боязнь западных политических элит возрождения геополитического влияния России на базе идеологии неоевразийства.

Литература

1. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли – Санкт-Петербург, 2001 – 639 с.

2. Дугин, А. Д. Философия политики – М., 2004. — 614 с.

3. Ищенко, Е. Н. Развитие Евразийской традиции в трудах Л.Н. Гумилева и современном евразийстве[Электронный ресурс]/Е. Н. Ищенко.–2004.–Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-evraziiskoi-traditsii-v-trudakh-ln-gumileva-i-sovremennom-evraziistve>.– Дата доступа: 02.02.2013.

4. Шнирельман, В. А. Порог толерантности. Идеология и практика нового расизма – М., 2011. Т. 1. 552 с., Т. 2. 848 с.

5. Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных "новых правых" / М. Ларюэль // Этнографическое обозрение .–2004 г.– № 3.– С. 36-43.

6. Victor Yasmann Red Religion: An Ideology of Neo-Messianic Russian Fundamentalism [Электронный ресурс]/Victor Yasmann.– 1993.–Режим

доступа:https://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/01-02_yasmann.pdf.– Дата доступа: 02.02.2013.

Мисун Е.Н. Инновационная политика в сфере образования: опыт зарубежных университетов

Перспективным условием прогрессивного развития социальных систем сегодня признается ориентация на инновационную активность и осуществление инновационной деятельности во всех сферах социальной жизни. В то же время эффективность реализации программ ускорения социально-экономического развития, достижения нового качественного состояния общественной жизни, успешность различных преобразований, происходящих в настоящее время, теснейшим образом связаны со способностью общества целенаправленно производить и использовать инновации, а также успешно в них социализироваться [1, с. 283]. В этой связи актуальными становятся вопросы, касающиеся преобразований и обновлений в области производства, науки, техники, технологии, образования. Под инновационной политикой будем понимать целостную систему мероприятий по развитию инновационного потенциала за счет развития человеческого фактора, инновационного социального капитала и культуры [1, с. 294].

Не смотря на то, что система образования является достаточно консервативной, имеет большую инерцию и стремится к самосохранению, она вместе с тем является источником новых знаний и современных технологий, генерирующих инновации в различных социальных системах. Современный вуз как один из основных элементов системы образования, все чаще оказывается на переднем крае инновационного развития, где от него требуется не только выполнение образовательных функций, но и создание научных основ для развития общества в разработке наукоемких технологий и передовых теорий. При этом вектор преобразований университетского образования сопровождается многообразными организационными переменами и пересмотром миссии вузовского образования, в которых приоритетными становятся задачи гибкого управления интеллектуальными и материальными ресурсами, стимулирования инноваций, позиционирования на рынке образовательных услуг и т.д. В то же время университеты,